

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение:
«Лицей № 50 при ДГТУ ИМЕНИ Героя Советского Союза Калинича Н.Д.»
г. Ростов-на-Дону**

**Всероссийский конкурс сочинений
«Без срока давности»
Тема: «Банк крови»**

Выполнил: обучающаяся 11В класса

Усикова Вероника

Руководитель: Седоченкова И.А.

г. Ростов-на-Дону

Банк крови.

Весна 2005 года выдалась на удивление жаркой. Мой дядя, ещё молодой и полный сил студент археологического факультета, выбравшийся вместе с однокурсниками на раскопки под Ригой, нервно закуривал третью сигарету, который раз перебирая разложенные на выгоревшей от невыносимой жары бумаги. То ли солнце столь сильно светило в глаза, то ли ещё сотни неведомых мне причин сошлись воедино, но факт остаётся фактом : мой дядя, человек твёрдый и временами даже грубый, сидел на траве и беззвучно плакал. К слову, факт ничего не значащий, как может некоторым показаться, но тем не менее я вам его расскажу: по словам моей бабушки, дядя Олег до того случая питал к сигаретам стойкое отвращение.

Хлюп-хлюп. Хлюп-хлюп. Натужный скрежет деревянных колёс перебивал звук хлюпающих по грязи шагов. Хлюп-хлюп-хлюп... Господи, ну до чего же раздражающе! Подумали бы вы, услышав этот звук собственными ушами, не так ли? О, пассажиры повозки с вами ещё как согласны! А теперь представьте, что слушаете это невыносимое хлюпанье целый день.. Даже у самого спокойного и уравновешенного человека сдали бы нервы! Что ж, именно так и произошло.

-Ганс, а ну хлестни – ка их! Топчутся, как скот, хоть уши отрезай!

- Russich schwein, Klaus, – ухмыльнулся названный ранее Ганс.

Повозка остановилась, пропуская неровно бредущую колонну людей вперёд. Как только так называемые «schwein» прошли вперёд, воздух разрезал свист кнута.

-Grobarting, grobarting! – слышался крик. Хоть удар кнута предназначался для «свиней», однако этот хохот более чем походил на звериный. Да и почему походил, звериным он и был.

Под перелаивающийся гогот взбодрившихся немцев, занимающих по-царски места в повозке, колонна двинулась дальше. В самом конце, еле передвигая ноги, шли мальчик с девочкой. Изнемождённые и замёрзшие, дети держались друг за друга, пытаясь не отставать от остальных смертников.

-Ваня, когда уже мы придём? Я больше не могу.. Вот сейчас и упаду, упаду...- тонкий, надрывный голосок обращался скорее не к мальчику, а в пустоту. Может, хотя бы эта пустота знала ответ на вопрос?

-Скоро, Варя. Идём, а то совсем замёрзнем.

Знал ли Ваня, сколько ещё им осталось брести по холоду, мешая промокшими ботинками грязь? Конечно, не знал. Но в детской голове чётко поселилось осознание: теперь, когда родители погибли во время бомбёжки, а они попали в руки к фашистским извергам, только он несёт ответственность за сестру. «До конца» - пролетело в мыслях ребёнка. Кто бы мог подумать, что с каждым шагом конец всё ближе, надвигается и дышит в затылок в образе пресловутого силуэта с косой. Но с косой ли?

Первое, о чём хочется сказать: Ваня сестре всё-таки соврал. Взятые в плен немецко-фашистскими захватчиками в оккупированном Ленинграде, несчастные люди вынуждены были несколько дней идти пешком до переправы, где немцы устроили долгожданный ночлег. Все ложились спать, абсолютно не зная, что будет завтра. Надежда на то, что грядущий день как-то облегчит судьбу недавно порабощённых, жила только в сердцах детей. Да и у тех, кажется, таяла с каждой секундой. Маленькая Варя засыпала, представляя рядом с собой свою маму, читающую детям сказку на ночь своим успокаивающим, стирающим все тревоги голосом. Ваня же изо всех сил боролся с наваливающейся усталостью, опасаясь, что, пока он спит, его сестру увезут от него. Каждый засыпал с разными мыслями, но эта ночь, безусловно, поставила крест на судьбах большинства невольников. Эти люди, до войны бывшие абсолютно разными: пекарь, уже дремавший на скомканной фризе, школьный учитель, пытающийся обмёрзшими пальцами починить поломанную дужку очков, недавно поженившаяся пара студентов, жавшаяся друг к другу в тщетных попытках согреться – все они сейчас столкнулись лицом к лицу с общей бедой. Судьбы всех их были в руках обезумевших кровожадных зверей – фашистов.

Раздавшийся в предрассветной тишине лязг цепей выдернул Ваню из сна. Мгновенно проснувшись, первым делом он завертел головой в поисках сестры. Та, испугавшись громкого звука, пыталась закрыть уши руками. Заметив, что брат проснулся, девочка крепко обхватила его руками, будто пытаясь спрятаться на его груди от жуткого бряцанья.

-Встать! Немедленно! – грохочущий голос одного из их мучителей заглушить уже было невозможно. Все начали потихоньку вставать, пытаясь хоть на мгновение отсрочить новый день, не сулящий ничего хорошего. Мягко отстранив от себя Варю, Иван тоже поднялся на ноги. К ним уже подходил немец из конвоя, в руках у него звенела тяжёлая цепь.

-Вы пойдете за мной.

О, как же отвратительно звучала русская речь из уст этого человека! Вмиг у ребят создалось впечатление, что треклятый немец будто очернил эти русские слова, оставил на них свой кровавый отпечаток.

Солдат уже начал разворачивать цепь, но, оглядев презрительным взглядом стоявших перед ними детей, убрал её за пазуху.

-Идти за мной, – вновь пробормотал немец и, дождавшись, пока ребята последуют за ним, направился к уже строившейся колонне. Было кое-что странное в этом построении: на этот раз сборище разделилось надвое – взрослые стояли чуть поодаль, а дети сформировали отдельную группу, окружённую с трёх сторон немцами. Тут колонна, состоящая из взрослых, двинулась вперёд, вместе с ними последовала и часть немцев. Дети переглянулись – теперь, кажется, стало ещё страшнее. Сейчас они абсолютно беззащитны перед фашистами, ушли те, кто мог собственной спиной прикрыть малышей от удара кнута и тяжёлого приклада. Ваня с силой сжал руку сестры, в голове проносились мысли о том, что ни в коем случае нельзя показывать свой страх сестре, и без того постоянно льнувшей к единственному оставшемуся родному человеку. «Ответствен. До конца...» – набатом звучало в юной голове. Простояли они так ещё около часа, пока вдалеке не застучали колёса подъезжающего состава. Глаза немца зловеще блеснули: он долго ещё смотрел в спину уходящего мальчика.

«Спасены! Наши!» - радость вмиг захлестнула всех детей. Но как быстро она появилась, так стремительно и потухла. Из грузового поезда вышли эсесовские солдаты. Детей быстро загнали в вагоны для перевозки товаров, и поезд тронулся, уносясь вдаль от залитой кровью, сражающейся за своих сынов Родины. Чем дальше уезжал поезд, тем стремительней рушились судьбы этих маленьких, ни в чём не повинных людей. Их жизни, ещё не успев начаться, уже были закончены. Но узнать им это ещё предстоит, а сейчас давайте на минуту прервём наш рассказ и послушаем грохот колёс грузового состава в это туманное зимнее утро.

-А он перегнись, да и выхвати книгу прямо из его рук! Представляете?! – тихие смешки раздались в трясущемся вагоне. За несколько часов поездки, казавшихся мучительной вечностью, дети разговорились между собой. Филька, осиротевший мальчишка лет двенадцати, чтобы отвлечь товарищей по несчастью, рассказывал смешные истории из «дворовой» жизни, Коля – оказавшийся самым старшим из детей, почти шестнадцатилетний юноша, –

тихо читал окружившей его малышне сказку из маленькой, помещавшейся в ладони старой книжке. Она была единственной вещью, которую Коля сунул в нагрудный карман оборванной телогрейки. Даже Варя успела подружиться с девочкой-ровесницей, тихо перешёптываясь с ней в углу. Только Ваня был тих и держался в стороне от всех. Все разговоры проходили будто мимо него, оставаясь бессмысленным шумом на фоне. Его не терзали даже мысли – казалось, что им попросту не осталось места в его голове. Только громкий стук сердца звучал в образовавшемся внутри мальчика вакууме. Тук-тук. Тук-тук.

Тук-тук. Тук-тук. Всё медленнее застучали колёса. Поезд закрипел, снижая скорость. Тук...тук. Состав остановился. Голоса стихли. Ваня поднял голову. Ручка тамбура дёрнулась, в проёме показалось уже знакомое лицо немца, сопровождавшего детей утром.

-Встать. Идти за мной.

«Две фразы выучил, как попугай. Ай да фюрер...» - издевательски подумал Ваня.

Как только вагоны опустели, колонна детей вновь куда-то тронулась. В воздухе витало напряжение, волнение захлестнуло всех. Но на этот раз путь оказался недолгим – всего через четыре мили дети по приказу их надзирателей остановились перед деревянной оградой с возвышающейся на ней табличкой. «*Salaspils*» - гласила табличка. Отсчёт начался.

Один.

- Живее, заходите! Ну же, переваливайтесь быстрее!

Под громогласные поторапливания фашистов ребята пересекли границу концлагеря. «Словно перешли черту между миром живых и мёртвых», – мысленно заключил Коля. Следующий час прошёл невыносимо : напуганных детей разбили по группам, согнав в барак, напоминающий больше загон для скота. Вместо тёплых вещей, в которые по возможности были одеты ребята, им выдали грязные робы, с указанным на груди номером. Отвлекающие разговоры уже не помогали, все были напуганы и молча ждали своей участи. Так прошёл весь день, ближе к вечеру в барак зашёл надзиратель и кинул оголодавшим узникам еду. Точнее то, что ей считалось немцами. Овощные ошметки и разведённая водой каша странного цвета были мало похожи на что-то съедобное, но и на эти отходы пленники накинулись с радостью.

Второй раз проверяющий зашёл ночью, внимательно окинув взглядом привалившегося к холодной стене Колю.

Ближайшие несколько дней ничем кардинально друг от друга не отличались. Ребят на улицу практически не выпускали, держа в заваленном пожухлым сеном и ещё какой-то грязью сарае. Редкие приёмы пищи хоть и спасали от голодной смерти, но скорее ощущались как изошрённый вид пытки, становясь с каждым разом всё скуднее и скуднее. Только холод в помещении становился всё ощутимее, от него уже не спасали лёгкие рубашки. Но, как по иронии, никто из детей не имел даже признаков простуды или иных недугов. Будто высшие силы решили поиздеваться над несчастными пленниками, не давая умереть хотя бы от горячки, а не от рук фашистских монстров. На третий или четвёртый день, никто их и не думал считать, лагерь наполнился какой-то суматохой. Из маленького окошка, единственного в бараке, были видны подъезжающие немецкие машины. Как только подъехала третья, последняя за этот день машина, несколько человек зашли в помещение к детям. Быстро всех оглядев, они схватили Колю и вышли. После того как немцы с мальчиком скрылись из виду, перепуганные дети начали шептаться о произошедшем. Оставшийся день все с волнением ждали возвращения товарища, но Коля так и не пришёл. Все легли спать, подавляя в себе рыдания и страх перед наступлением нового дня.

Два.

После исчезновения самого старшего из детей прошло ещё пару дней. Больше в сарай, где жили Ваня с сестрой, немцы не приходили. Но на редких прогулках ребята видели, как те же несколько человек заходят в другие бараки, уводя кого-то оттуда. Никто так и не заметил, как хоть кто-то из уведённых возвращался обратно. Что именно происходило в этом ужасном месте Ваня не знал, но твёрдо решил : надо пытаться выбираться, и поскорее. Но тут события стали развиваться крайне стремительно.

На одной из прогулок к отбившемуся от толпы Ване подошёл немецкий солдат. Тот самый, сажавший их в поезд и выводивший из него. Грубо взяв мальчишку за руку, мужчина отвёл его практически в конец колючего забора. Яркие голубые глаза будто впились в лицо Ивана, сканируя его, словно пытаясь прочитать его мысли и выведать самые сокровенные тайны.

-Я знаю, что ты замыслишь. Такой как ты пригодится нам не здесь. Завтра вечером приедет машина, ты уедешь с ними. Иди! – отпустив Ваню, немец быстро зашагал в противоположную сторону. Мысли и эмоции в голове мальчика летали с сумасшедшей скоростью, от животного страха до какой-то бешеной радости. У них есть шанс выбраться отсюда! Надо только

уехать, а там уже можно и сбежать.. Да, точно так. Сбежать. С сестрой, куда угодно, лишь бы жить. В голове немца мысли были совершенно другие. Он был рад, что его план начал осуществляться: ценная детская кровь достанется не раненному солдату, а ему, вполне здоровому. Пока эти дети не входили в учётный список банка крови, его план вполне мог осуществиться . Довольный произведённым эффектом, солдат с коварной усмешкой долго ещё смотрел вслед убегающему мальчику.

Всю ночь ребёнок не мог сомкнуть глаз, раз за разом обдумывая завтрашний день. Надежда, рухнувшая на переправе, расцвела в юном сердце вновь.

Утром следующего дня Ваня подскочил ни свет ни заря. Разбудив сестру, он велел ей сегодня ни на шаг от него не отходить, особенно на прогулке не отлучаться друг от друга. Варя, напуганная странным поведением брата, лишь закивала головой. Брат не рассказал ей, что сегодня их единственный и, вероятно, последний шанс сохранить себе жизнь. На прогулке Ваня всё никак не мог найти глазами их потенциального «спасителя», что взволновало мальчика. Но, не придав этому большого значения, он спокойно дождался возвращения в барак. Спустя пару часов, к лагерю одна за другой начали подъезжать немецкие машины. Один из сорванцов, Филька, углядел в тамбуре зазор между досок, из которого можно наблюдать за происходящем на улице.

- Пойдёмте посмотрим, что там! – крикнул Филька и первым убежал в потаённое местечко. За ним рванули и другие мальчишки, среди которых, к удивлению, был и Ваня. Было ли это опрометчивое решение следствием взвинченного настроения, или ещё чего-то, но для Ивана оно стало фатальным. Вернувшись обратно, Ваня не обнаружил там сестры. Плачущие дети, остававшиеся с Варей, сказали, что Варю только что забрали.

Не помня себя от горя, мальчик выбежал из барака и помчался по территории лагеря. Удивительно, но ни один из надзирателей не заметил Ваню, будто тот был бестелесным призраком. Вбежав в какое-то помещение с приоткрытой дверью, перепуганный брат заглянул туда: на одной из коек лежала его сестра, вся бледная и не подающая признаков жизни, а на другой лежал тот самый немец, их несостоявшийся «спаситель». Между двумя койками протягивались длинные трубки с переливающейся солдату кровью.

Три.

За Ваней пришли тем же вечером.